

Д. Н. БАГАЛЕЙ

**Издание сочинений Г. С. Сковороды
и стоящие в связи с ними исследования о нем**

К 120-й годовщине со времени его кончины. 1794—1914
<фрагмент>

Наконец Г. С. Сковорода благодаря харьковскому изданию его сочинений дождался обоснованного признания своей исключительно важной роли — родоначальника русской философии — со стороны специалиста и историка русского философского движения.

В 1912 году в Москве вышла книга В. Эрн «Русские мыслители. Г. С. Сковорода. Жизнь и учение», 342 страницы. Она представляет во всяком случае выдающееся явление в литературе о Г. С. Сковороде и потому на ней нужно остановиться несколько подробнее. Г. Эрн находит необходимым сделать прошлое русской философской мысли предметом тщательного и беспристрастного исторического исследования. Сковорода в этом отношении особенно поучителен. Его философия складывается в стройное целое тогда, когда германская мысль, от которой многие ведут родословие русской мысли, только зарождается (Кант). Свою книгу г. Эрн делит на две части: одна уясняет жизнь Сковороды в связи с внутренним ходом его самоопределения, другая — его мировоззрение. Но жизнь его теснейшим образом связана с философией: первая не может быть правильно понята без второй, и наоборот. Главным материалом и для 1-й, и для 2-й части книги г. Эрн послужили изданные под моею редакцией Харьковским историко-филологическим обществом сочинения Г. С. Сковороды, биографические материалы и мое введение. Указав на это издание, г. Эрн замечает: «Это прекрасное издание, снабженное обстоятельной критико-библиографической статьей, распадается на две части. В первой помещены “Житие” Ковалинского и “Письма” Сковороды

(чрезвычайно важный материал); во второй — большинство из сохранившихся сочинений Сковороды. На это издание мы будем делать постоянные ссылки...» (с. 35). И действительно, автор широко использовал мое издание, дополнив его, где было нужно, и другими источниками и пособиями из литературы о Г. С. Сковороде. И я как редактор этого издания чувствую большое нравственное удовлетворение по поводу того, что оно, несмотря на свою неполноту, дало возможность г. Эрну так широко и всесторонне поставить вопрос о жизни и мирозерцании Г. С. Сковороды. Интересно отношение г. Эрна к основному источнику наших сведений о жизни (и притом не только внешней, но — что еще важнее — и внутренней) Г. С. Сковороды — биографии, составленной М. Н. Ковалинским. «Рассказ Ковалинского, говорит он, прост, мягок, задушевен и фактически безусловно достоверен. Но он недостаточно полон. Безусловно, он нуждается в разработке. Ограничиваться одним рассказом Ковалинского и считать все сообщаемое другими лицами и не встречающееся в рассказах Ковалинского за недостоверное или сомнительное (как это склонен делать проф. Багале́й) нет никаких оснований... Не отвергая ни единой черточки в жизнеописании Ковалинского, мы должны образ и психику Сковороды углубить и разработать по весьма характерным данным, встречающимся в сочинениях самого Сковороды». Здесь маленькое недоразумение. Я совершенно согласен с г. Эрном в необходимости углублять и дополнять сообщения Ковалинского по сочинениям Сковороды и особенно по его письмам. Скажу более того: г. Эрн едва ли не первый * использовал драгоценный в этом отношении материал (письма Г. С. Сковороды) и дал нам на основании совокупности данных внутреннюю историю его жизни. Но я считаю себя обязанным критически относиться к подчас темным и сбивчивым известиям, не подтверждаемым другими свидетельствами, и устранять сомнительные тексты. И сам г. Эрн ведь отвергает свидетельство арх. Гавриила об усвоении Г. С. Сковородой германской философии, ибо об этом не говорится ни в одном из первоисточников (с. 63), но вопреки моему резкому отзыву считает страницы, посвященные арх. Гавриилом Сковороде, прекрасными, совершенно не теряющими своего значения от того, что арх. Гавриил опирается в своем изложении главным образом на Хиждеу. Особенно же высоко он

* Выражаюсь так осторожно, потому что у меня смутно вырисовывается воспоминание о появлении в последнее время статьи о Сковороде, которая останавливается главным образом на его письмах.

ценит самый замысел арх. Гавриила¹. Я также высоко ставлю замысел арх. Гавриила и все же должен, к сожалению, заявить, что мое наблюдение о том, что «вся оценка философской деятельности Сковороды (с. 39—70) представляет негласное и притом буквальное заимствование из Хиждеу» остается в силе (Изд. Харьк. ист.-филол. общества, с. XXVII). Что же касается самого Хиждеу, на котором основывался арх. Гавриил, то и в отношении его остаются непровергнутыми высказанные мною сомнения в достоверности приведенных отрывков из сочинений, приписываемых им Сковороде, но до нас не дошедших. (Изд. Харьк. ист.-фил. общ., с. XXIII—XXIV). Пользуясь главным образом изданием Харьковского историко-филологического общества, г. Эрн сверх того привлек для изучения и три из не напечатанных рукописей Г. С. Сковороды, хранящихся в Румянцевском музее в Москве — «Потоп Змиин», «Жену Лотову», «Икону Алкивиадскую». Таковы первоисточники, положенные г. Эрном в основу его интересного труда. Обратимся теперь к обозрению его содержания. Часть 1-я (о личности) делится на XII глав: I) пролог на небе, II) пролог на земле, III) годы юности и учения, IV) заграничное странствие, V) неопределенность, VI) основные черты душевного склада, VII) жизненное решение, VIII) дружба с Ковалинским, IX) страннический посох, X) учительство и писательство, XI) последние годы, XII) смерть. Основываясь на характеристике личности Сковороды у Ковалинского, г. Эрн открывает в нем подвижника истины и правды, приверженца не рационализма, а λόγος'а, в основе которого лежало учение восточных Отцов Церкви — Максима Исповедника и др. Последний высказал мысль, что в природе открывается такая же истина, как и в Писании; этим разрешается и проблема Сковороды. «Концепция Максима Исповедника — об открытии в природе, говорит г. Эрн, дает нам возможность метафизически понять и принять Сковороду в его подлинном, целом и неискаженном виде». Но тело его родилось в стране варварской (?) полукультуры, в стране стихийной природности (в Малороссии — это по терминологии г. Эрна). Отсюда противоположность двух его стихий: универсальность и провинциализм, но, несмотря на свою казацкую плоть, он сумел подняться выше рационализма, преодолев ratio своего века античнохристианским началом λόγος'а». Затем г. Эрн рассказывает о заграничном путешествии Сковороды, его начитанности и характере познаний (Сковороду влекла античность и патристика); в выборе материала его характеризует самостоятельность и благородство вкуса. Далее г. Эрн останавливается на поре неопределен-

ности в жизни Сковороды — это был период одиночества, обращения внутрь себя — пребывание в Переяславском училище и у помещика Тамары. Основные черты душевного склада Г. С. Сковороды за это время г. Эрн очень удачно характеризует, опираясь на *ipsissima verba*² Сковороды — его «Сад Божественных песней». Здесь, справедливо замечает г. Эрн, данные огромной внутренней ценности сочетаются с точностью датировки. Многие стихотворения помечены местом и временем написания... Это лирика Сковороды, торжественная, величавая и правдивая. Это духовные песни, предназначенные для пения и музыки. «Сад Божественных песней» открывает мятущуюся скорбную душу Сковороды. Выход из мрака к свету он находит в жажде распяться в себе самом, в самоочищении, в борении. Он предался любомудрию и остановился наконец на определении своего жизненного пути, которое вытекало из чистой идеи его существа. Важным моментом является дружба Сковороды с его учеником М. И. Ковалинским. Г-н Эрн, на основании их переписки, устанавливает характер этой дружбы и ее исключительно важную роль в жизни Сковороды. В лице Ковалинского Г. С. Сковорода приобрел первого ученика и адепта, последователя, кандидата блаженнейшей своей христианской философии. Важные последствия этой дружбы выразились в двух крупных фактах: 1) составлении Ковалинским биографии Сковороды и 2) в посвящении ему Г. С. Сковородою целого ряда трактатов. С 1766 по 1794 год тянется страннический образ жизни Сковороды, соединенный с учительством. Г-н Эрн правильно определяет роль Сковороды термином «старца», но есть и еще одна, более близкая, по нашему мнению, аналогия его — со странствующими «мандроваными» дьяками, учителями. Интересно сопоставление у г. Эрна «ухода» в странствование Г. С. Сковороды и Л. Н. Толстого, причем он отдает, и не без основания, решительное предпочтение подвигу старика Г. С. Сковороды; самая резкая разница в том, что Л. Н. Толстой ушел умирать, а Г. С. Сковорода — жить, и жил он после своего ухода почти аскетом 28 лет! Значение его подвига приближает его к Сократу. Его учительство пошло по трем руслам и выразилось: 1) в составлении философско-богословских трактатов и литературных произведений, 2) в переписке с друзьями и 3) в устных беседах. Интересно вдумчивое изображение г. Эрном всех этих трех видов деятельности Г. С. Сковороды. Интересно его тонкое наблюдение, что «свои сочинения Сковорода сознательно предназначал исключительно для друзей своих. Он писал по-дружески, интимно. Он вообще не публицист, не

социальный борец, не религиозный реформатор. Сражаться с людьми и порядками он вовсе не хочет... Борьба его внутренняя, напряженность ее — чисто духовная. В нем самом свершается непрерывная духовная брань... И самая диалогическая форма, излюбленная Сковородой, диктуется взволнованным душевным состоянием Сковороды... Вот отчего сочинения свои Сковорода хотел видеть исключительно в руках своих друзей. Только друзьям можно было иметь эти сколки души. И мысль Сковороды можно распространить и на настоящее время. В лабиринт мыслей Сковороды можно проникать лишь сочувственным вниманием, и тот, кто и теперь без дружественной расположенности станет читать писания Сковороды, вряд ли почувствует скрытую в них красоту, вряд ли сумеет восстановить цельный образ его философской мысли». Эти слова характерны для отношения к Г. С. Сковороде самого г. Эрн, — оно во многих случаях восторженное; а эта восторженность отражается и на самом изложении автора, которое отличается живостью, проникнуто чувством, что не мешает автору, однако, делать наблюдения, высказывать меткие суждения. В писательской деятельности Сковороды г. Эрн различает три момента — конец 60-х годов, мотивом которого является идея самопознания, 70-е годы, когда он сообщает другим сокровища достигнутого им внутреннего мира, и 80-е годы, посвященные проблеме Священного Писания. Но здесь нет эволюции взглядов: самопознание — корень и ствол, душевный мир — плоды и ветви, умозрение о Книге книг — вершины того же мощного дерева. Влияние Сковороды осязательно сказалось в создании вокруг него сложившейся и ему приписываемой апокрифической литературы. Г. Эрн говорит: проф. Д. И. Багaley с совершенной очевидностью доказал непринадлежность «Правды Веры» Сковороде, но это переработка мирозерцания Сковороды в идеалистическом направлении. Автор «Ольги православной» истолковывает Сковороду в славянофильском духе. Г. Эрн сопоставляет далее письма Г. С. Сковороды и Л. Н. Толстого и дает правильную, на наш взгляд, характеристику переписки Г. С. Сковороды с его друзьями. Описание последних лет жизни и смерти оканчивается одухотворенная, проникновенная биография Сковороды, написанная г. Эрном. Она представляет в этом отношении полную противоположность биографии его, некогда написанной Г. П. Данилевским: то был очерк внешней жизни, а это внутренняя история человека.

2-я часть труда г. Эрн посвящена уяснению мировоззрения Г. С. Сковороды и так же, как и первая, состоит из 12 глав:

I) вступительные замечания, II) антропологическая точка зрения, III) hieroglyphica, emblemata, symbola, IV) проблема Библии, V) учение о внутреннем человеке, VI) учение о мире, VII) о Боге, VIII) мистическая мораль, IX) прикладная мораль, X) педагогические идеи, XI) Сковорода и Церковь, XII) заключение: Сковорода и последующая русская мысль. Вначале г. Эрн останавливается вкратце на литературе вопроса о философии Сковороды и высказывает здесь положение, с которым нельзя согласиться, как это видно уже из моего краткого нынешнего критико-библиографического очерка, — «мысль Сковороды, говорит он, его философское мировоззрение игнорировалось почти всеми. Мы можем назвать только одну статью Зеленогорского, серьезно и с достаточным знанием обсуждающую философию Сковороды, но и Зеленогорский больше говорит о заимствованиях, тогда как у Сковороды есть своя собственная центральная мысль» (с. 209). Это очень строгая и едва ли справедливая оценка предшествующей литературы.

В частности, совершенно неверно утверждение г. Эрна, что две статьи А. Я. Ефименко написаны в таком же духе, как и биография Г. П. Данилевского, который не придавал цены философским трудам Г. С. Сковороды. На такой точке зрения не стоял, как мы видели, никто из исследователей Сковороды за последние 20 лет, наоборот, все почти (и я в том числе) подчеркивали органическую связь его учения с жизнью и останавливались на его философии. Нет надобности приводить доказательства этого положения — настолько оно бесспорно. Г-н Эрн правильно исходит из самого Сковороды, чтобы определить мысли его. Первою наиболее характерною чертою его воззрений он считает так названный им его антропологизм — или самопознание: вес у Сковороды в самом человеке. Человек — это микрокосм; в нем метафизически вся вселенная, в нем и Бог. Этим определяется и его отношение к знанию, к науке: Г. С. Сковорода отрицает знание, но не всякое, а оторванное от жизни. А знание, нужное для жизни, — это христианская философия. В нем существенную роль играет символика Сковороды, вытекающая из его антропологизма. У него основа мышления символическая, кроме того, эмблемы играют и важную вспомогательную роль. Особенно заметно это проявляется в трактатах, посвященных Библии. Библия имеет центральное значение для философского сознания Сковороды. Объяснять это одним влиянием Отцов Церкви невозможно: Сковорода вносит в отношение к Библии страстную личную ноту; его влечет к ней непреодолимая тайная сила; специально ей он посвящает три

своих трактата. В них он развивает мысли о трех мирах — великом, символическом и малом микрокосме; каждый же из них состоит из материи и формы.

Г-н Эрн решительно восстает против мнения о рационализме Сковороды и отрицании Библии в духе XVIII века или Л. Н. Толстого. Он сопоставляет места из сочинений Сковороды, подавшие повод к такому неправильному мнению, с выдержками из Оригена, идя здесь по пути, указанному еще А. С. Лебедевым. Вообще здесь г. Эрн углубляется в вопрос и дает несколько ценных заключений и наблюдений, точно так же, как и в главе о внутреннем человеке; в этом учении он видит органический синтез Платона с Библией и называет Сковороду христианским платоником. Излагая учение Сковороды о мире, г. Эрн отмечает в нем как бы пантеистическое смешение Бога с миром, но прибавляет, что он в действительности принципиально далек от пантеизма. У Сковороды г. Эрн отмечает несколько таких уклонов в сторону — это недостатки в общем цельной и ясной системы его мышления. Глубоко проникает г. Эрн и в учение Сковороды о Боге, приводя здесь, как и всюду, массу выдержек из сочинений Сковороды; здесь он отмечает мысль его о Боговоплощении не только в Евангелии, но и в Библии и идею преобразования мира и о Богочеловечестве Иисуса Христа. Мораль Сковороды он делит на мистическую и прикладную. Г-н Эрн не согласен с теми, кто прежде всего видел в Сковороде моралиста; по его мнению, в нем сильнее философ-теоретик (что, впрочем, отмечалось и ранее). Между этикой и метафизикой Сковороды глубочайшая связь. Величайшее благо человека, его счастье — внутри его. Л. Н. Толстой проповедывал неделание, Кант — отвлеченный долг, Сковорода — внутреннего человека. Каждый человек должен, по мысли Сковороды, искать свою идеальную форму: «ищи, говорит он, расцвета своей природы». Но в Сковороде жил и темперамент настоящего моралиста — отсюда его прикладная мораль, для выражения которой он находит свои слова и его речь, «сохраняя все время принципиальный характер, становится здесь особенно своеобразной, страстной, дышащей убежденностью и пафосом его личности». Высшее счастье — в душевном мире, а этот последний — в сродности, в последовании своей природе, своим склонностям. Сковорода не отрицает ни науки как таковой, ни государства, ни культуры. В этом смысле он бесконечно далек от Л. Н. Толстого. Он отрицает не культуру, а ее извращение у тех, кто входит в несвойственную ему стать и тем наносит вред не только себе, но и всему обществу. «Воином кто рожден, говорит он, дерзай, вооружай-

ся. Многократно я тебе говаривал, что тебе или тому быть священником или монахом не по природе; но чтобы сказать, что священство или монашество стать вредна, никогда сего не было».

На этом построены и педагогические идеи Сковороды: он был против обезьянства в воспитании и независимо от Руссо проповедовал, что главное — природа и потому нужно действовать на сердце. Далее г. Эрн старается уловить отношение Сковороды к Церкви и находит, что оно отличалось некоторой неопределенностью. «Целый ряд фактов, говорит он, свидетельствует, что между Сковородой и Церковью не стояло никаких принципиально непроходимых преград. В полном согласии с этими фактами находятся суждения Сковороды о Церкви, до нас дошедшие». Он враждебно настроен не против монашества вообще, а против современного ему монашества. Он искренно стремился ко вселенскому началу. Какое бы то ни было сектантство им искренно отрицается. «И все же, прибавляет г. Эрн, в Сковороде чувствуется иногда если не сектант, то потенциал сектанта» (с. 326). Но если Сковорода искренно отрицал какое бы то ни было сектантство, в том числе и мартинизм, то где же тут основание для потенциал-сектанта? Мне кажется, что г. Эрн употребил здесь, стремясь к образности речи, просто неудачное выражение: он только хотел сказать, как и говорит в действительности, что «вселенскости своих стремлений он не мог довершить и утвердить» (с. 326). В заключение г. Эрн останавливается на связи учения Сковороды с последующею русскою философскою мыслью. Несмотря на отсутствие формальной связи между Сковородой и последующими русскими философами, он устанавливает внутреннюю их объединяющую связь — λόγος: русские мыслители, разделенные эпохами и незнанием друг друга, перекликаются между собой. Г. С. Сковорода — родоначальник русской философской мысли. «В лице Сковороды происходит рождение философского разума в России; и в этом же первом лепете звучат новые, незнакомые новой Европе ноты, объявляется определенная вражда рационализму, закладываются основы совершенно иного самоопределения философского разума. Основная черта глубокого духовного средства между Сковородой и последующей русской мыслью есть странничество...» Но есть и целый ряд других сходных черт. Г-н Эрн здесь несколько увлекается и считает Сковороду даже родоначальником русского славянофильства, но для этого, конечно, нет достаточных оснований, ибо та книжечка «Ольга православная», где высказаны славянофильские мысли, Сковороде не принадле-

жит, а была ли она написана кем-либо из учеников Сковороды, также решительно неизвестно. Интересно заключение г. Эрн о значении Сковороды. «Сковорода стоит у самого порога русской мысли. Он первый и творчески начинает то, что потом гениально растет, множится и цветет. Блеск и величие последующего нимало не должны заслонять его скромную, но героическую фигуру и отнимать у него хоть частицу славы и признания, которые ему подобают. Сковорода имеет специфическую прелесть примитива, черты соединения гениальности с наивной и целомудренной скованностью культурных форм, и эта прелесть, как неповторимая, навсегда останется за ним» (с. 342).

Автор разобранного нами труда не свободен от подчас рискованных утверждений, но они вытекают из глубокого изучения Сковороды и благородного увлечения его жизнью и философией. Г-н Эрн ставит эпиграфом 2-й части своего сочинения изречение Сковороды: «Совершенно человека видит и сердце его любит, кто любит мысли его» — и этот эпиграф вполне применим к его собственному труду о Сковороде. Никто так глубоко, как он, не проникал во внутреннюю жизнь Сковороды и в его мысли, и это потому, что они близки и симпатичны автору; и его самого со Сковородой сближает λόγος этого последнего. Много из того, что говорит г. Эрн о Сковороде, высказывалось и ранее, но он сам продумал и проработал труды Сковороды и кроме того выразил все это в оригинальном стиле — ярком, колоритном, далеком от антикварного сухого изложения. Энтузиаст Сковорода нашел себе энтузиаста биографа в лице Ковалинского, а теперь энтузиаста интерпретатора в лице г. Эрн. Книга г. Эрн читается с захватывающим интересом и знакомит с ним широкую публику. Сковорода получил теперь признание историка русской философской мысли в качестве русского, а не только малороссийского или украинского философа. Открылось ему место и во всемирной философии.

